

УДК 343

**РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЕДЫ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ  
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКОВ)****Упоров И.В.***д.и.н., к.ю.н., профессор**Российская академия естествознания**Краснодар, Россия*

**Аннотация:** В статье дается обзор развития отечественной уголовно-правовой мысли по вопросам, связанным с пониманием преступлений и наказаний за их совершение в период конца XVIII – первой половины XIX вв. Этот период выделен в связи с тем, что в его рамках в России начались целенаправленные теоретические исследования в сфере уголовно-правовых отношений, и тем самым уголовное право стало формироваться в самостоятельную отрасль права. В статье показываются ключевые суждения российских правоведов, большинство которых занимались указанной проблематикой на профессиональной основе. Зачинателями такого рода исследований в конце XVIII в. были С.Е. Десницкий и А.Н. Радищев, а позже, уже с начала XIX эстафету перехватили такие правоведы, как Ф. А. Баузе, А.П. Куницын, О.Г. Горегляд, Г.И. Солнцев, С. Баршев, М.М. Сперанский, Л.А. Цветаев, П.Д. Лодий и др. В их работах раскрываются причины преступности, сущность наказания, обосновывается право государства применять меры принуждения к лицам, совершавшим общественно-опасные деяния, приводятся аргументы в отношении конкретных видов уголовного наказания, в том числе смертной казни и телесных наказаний и т.д. Ученые высказываются различные точки зрения, но у всех доминирует позиция в том, что государство должно определять такую уголовно-правовую политику, чтобы применяемые меры наказания способствовали предупреждению совершения новых преступлений.

**Ключевые слова:** преступление, наказание, российские правоведы, уголовное право, Радищев, предупреждение преступности.

***RUSSIAN LAWYERS ON CRIME AND PUNISHMENT (LATE 18TH –  
FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES)***

***Uporov I.V.***

*Doctor of History, Ph.D., Professor*

*Russian Academy of Natural Sciences*

*Krasnodar, Russia*

**Abstract:** This article provides an overview of the development of Russian criminal law thought on issues related to the understanding of crimes and punishments for their commission from the late 18th to the first half of the 19th centuries. This period is highlighted because it marked the beginning of targeted theoretical research in the field of criminal law relations in Russia, thereby establishing criminal law as an independent branch of law. The article presents key opinions of Russian legal scholars, most of whom studied these issues professionally. The pioneers of this type of research in the late 18th century were S.E. Desnitsky and A.N. Radishchev, and later, from the beginning of the 19th century, the baton was picked up by such legal scholars as F.A. Bauze, A.P. Kunitsyn, O.G. Goreglyad, G.I. Solntsev, S. Barshev, M.M. Speransky, L.A. Tsvetaev, P.D. Lodiy and others. Their works reveal the causes of crime, the essence of punishment, substantiate the right of the state to apply coercive measures to persons who have committed socially dangerous acts, provide arguments regarding specific types of criminal punishment, including the death penalty and corporal punishment, etc. Scientists express different points of view, but the dominant position among all is that the state should determine such a criminal law policy so that the applied penalties contribute to the prevention of the commission of new crimes.

**Key words:** crime, punishment, Russian legal scholars, criminal law, Radishchev, crime prevention.

Проблема преступности всегда занимала и занимает одно из первых мест среди наиболее острых проблем, тревожащих общество. И это вполне объяс-

нимо, учитывая, что преступность, в отличие от других социально негативных явлений (алкоголизм, наркотизм, детская безнадзорность, проституция, бродяжничество и др.), представляет собой еще и социально-ОПАСНОЕ явление, и эта характеристика находит определенное отражение в законодательстве, в частности, в определении понятия преступления в ст. 14 УК РФ. Разумеется, государство принимает меры против столь опасного негативного явления, и основным средством противодействия преступности является государственное принуждение. По этому поводу известный отечественный социолог П.А. Сорокин отмечал, что «ни в прошлом, ни в настоящем мы не знаем ни одного общества, ни одного государства, в котором официальное право не защищалось бы принудительными мерами» [1, с. 110].

Не удивительно в этой связи, что феномен преступности, уже много столетий приковывающий к себе внимание как властей, так и различных наук, остается по-прежнему без достаточно определенного объяснения. Достаточно задаться вопросами о том, почему, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень преступности в целом не снижается, а удельный вес преступников от всего числа всего населения во всех странах в первом порядке примерно одинаков, чтобы понять сложность и важность для общества объяснения этого феномена и выработки более эффективных мер по снижению общественно опасных деяний. Имея деструктивный для общества характер, преступность облекается в устойчивую распространенную форму девиантного поведения, достигшую степени общественной опасности, и соответственно возникает проблема в том, как противодействовать этой опасности. Об этом ученые-криминологи рассуждали еще в XVIII-XIX веках, причем как в Европе, так и в России.

Кратко обозначим позиции европейцев. В частности, на фундаментальном уровне характеристика преступности была показана бельгийским математиком и статистиком А. Кетле. В 1836 г. вышло в свет его сочинение «Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики», в котором писал: «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоян-

ством, что этого нельзя не заметить ... Это постоянство, с которым ежегодно воспроизводятся одни и те же преступления и вызывают те же самые наказания в одних и тех же пропорциях, есть один из самых любопытных фактов, какие сообщают нам статистические данные уголовных судов» [2, с. 21]. В этом и других исследованиях XIX в. преступность стала рассматриваться как массовое социальное явление, характеризуемое статистическими закономерностями, в том числе была показана взаимосвязь изменений статистических данных о преступности и изменений состояния общества (работы Ферри, Гарофало, Марро, Ашшафенбург и др.). Отметим еще точку зрения Ф. Энгельса, который в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) где, среди прочего, коснулся вопроса о влиянии общественных условий на преступность и ее сущности, в том числе отмечал, что «преступность - это проявление социальной войны, когда каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее» [3, с. 364]. При этом, однако, нужно иметь в виду, что Ф. Энгельс рассуждал в контексте классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, соответственно, говоря о первоочередности мер в борьбе с преступностью, на первый план ставилось как изменение общественно уклада общества, то есть при ликвидации буржуазии как класса и в дальнейшем достижении коммунистического общества. Обращает на себя то обстоятельство, что в то время еще не акцентировалось внимание на мерах государственного принуждения, позволяющих противодействовать преступности – речь идет именно об изменениях условий жизни в обществе, которые можно и нужно достичь путем социальных революций, предусматривающих ликвидацию эксплуататорского класса (это направление будет развивать позже и советская власть, движимая идейными постулатами марксизма).

В отечественной правовой мысли преступность становится предметом исследований с конца XVIII в. Так, А.Н. Радищев, признавая право государства

применять принуждение к преступнику, писал вместе с тем, что прежде чем наказывать преступников, надо уничтожить общественную основу преступлений. Правило всякого законоположения, указывал Радищев, состоит в том, «что лучше предупредить преступления, нежели оные наказывать» [4, с. 405]. И далее добавлял, что правом на наказание (принуждение) обладает лишь тот, кто «долг имеет пещися о благе общества» [4, с. 231]. Целью наказания, по мнению А. Н. Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления» [4, с. 232]. Более подробно рассуждая на эту тему, он писал: «верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сия суть: 1) воспретительные; 2) побуждающие; 3) предупреждающие. Воспретительные средства суть положенные в законе наказания, побудительные - суть награждения разного рода... предупредительные средства, исключая некоторые, относятся наипаче к средствам охранительным, как-то суть: ... к постановлениям, касающимся или до воспитания народного вообще, или до учрежденных училищ и пособий и учености, или до постановлений, определяющих общие мнения» [4, с. 405]. В целом А.Н.Радищев рассматривал наказание как охранительную функцию: «казнь законная» не есть иное что, как «ограда прав и общих и частных, и оплот, постановленный против пороков, всё растлевающих, против неистовства нарушившего, против буйства, всё опровергающего, против неправды, злобы и пагубных их следствий, против злодейств и преступления» [4, с. 405]. Но при этом наказания должно быть соразмерно тяжести преступлениям, и «если наказания место иметь должны, извлекаемы были не иначе, как из природы самого преступления и не отягощали судьбу каждого выше им содеянного» [4, с. 405]. Представляется, что это важное замечание, учитывая «примеры неоправданной жестокости в уголовной политике самодержавия второй половины XVIII века, который имели целью устрашения, нередко, вопреки здравому смыслу» [5, с. 87]. Следует еще отметить, что Радищев одним из первых в

России поднял вопрос о необходимости изучения проблем преступности, для чего предлагал организовать сбор соответствующих статистических материалов, что должно было способствовать выработке правильных, основанных на рациональном знании мер, направленных на то, чтобы «положить преступлениям преграду» [6, с. 232].

Свои суждения в дальнейшем (первая половина XIX в.) публиковали и другие ученые, публицисты, государственные деятели, в их числе Ф. А. Баузе, М. С. Нейман, С. Е. Десницкий, Ф.В. Ушаков, Н.С. Мордвинов, А.П. Куницын, О.Г. Горегляд, Г.И. Солнцев, Н.В. Духовский, А.С. Чебышев-Дмитриев, Н.И. Тургенев, С. Баршев, М.М. Сперанский, декабристов и др. Представляют интерес взгляды профессора Московского университета С.Е. Десницкого, который стал читать лекции с конца 1760-х гг. В 1768 г. он написал «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», а несколько позже он сделал доклад «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» [7]. Этот ученый полагал, что при определении цели наказания следует учитывать значение этого института для предупреждения преступлений, а для этого нужно воспитывать в народе уважение к законам и требовать их соблюдения. Наказание, по его мнению, должно устрашать, но одновременно оно только тогда достигает цели, когда общественное мнение одобряет избранную в приговоре меру наказания.

В первой трети XIX в. известный государственный деятель и выдающийся российский юрист М.М. Сперанский полагал, в частности, что наказания – это те меры от государства, «кои удручают или умаляют бытие или состояние виновного лица», при этом наказания целесообразно разделять на три вида, которые касаются «жизни физической, политической и гражданской». И закон соответственно должен определять «запрещение под страхом наказания. Где нет запрещения, там может быть преступление нравственное - порок, вред, убыток ... где есть такое запрещение, там деяние ... становится преступлением» [8, с. 62]. М.М. Сперанский считал также, что наказание является «возбуж-

дающим средством», воздействующим на разум человека и заставляющим его (разум) правильно воздействовать на волю. Считая наказание побудительной силой для исполнения законов, он придавал особое значение правильно построенной системе наказаний. Сложность построения такой системы Сперанский видел в том, что наказания должны правильно сочетаться не только с преступлениями, но они должны быть соразмерны со степенью народного образования, нравственностью и свойствами, а также со многими местными обстоятельствами [9, с. 37].

В первой половине XIX в. в российской правовой науке стали выделяться отраслевые направления, в том числе активно развивалось уголовное право [10]. Рассмотрим позиции некоторых ученых. Так, О. Г. Горегляд в 1815 г. отмечал, что задачей наказания должно быть лишение или умаление чести преступника, а не причинение ему физических страданий, а само наказание определял как «зло физическое или нравственное, налагаемое за преступление» [11, с. 3]. Заслуживает внимания и его суждение о том, что «если деяние не запрещено законом, то по общему правилу не подлежит наказанию, однако к сему непременно требуется, дабы сие же деяние не было вместе и вредно для государства или частных людей, ибо если оно причиняет какой вред, то не освобождает от соразмерной ответственности» [11, с. 3]. В работах этого ученого прослеживается также мысль о том, что различие между наказаниями «совершенно и несовершенно посрамительными» основывается на двух моментах: законе и опыте, при этом одни из них лишают чести полностью, другие - лишь причиняют ей некоторый урон; одни из них влекут существенные последствия, другие – незначительные, и многое в этом случае зависит от звания подсудимого и преимуществ, которыми он пользуется в государстве [12, с. 117].

По мнению Г.И. Солнцева, преступления могут быть разделены на восемь видов: «1) по умыслу или вменяемости преступных деяний; 2) по важности и степени, происходящих от одного, зла и большей или меньшей наказательности; 3) по произведению преступлений в действие; 4) по количеству

содеянных преступных деяний; 5) по различию самих лиц преступников и по различию их судимости; 6) по самому способу совершения преступления; 7) по различию нарушаемых уголовных законов; 8) по различию субъекта (предмета), против коего оные устремлены бывают» [13, с. 104]. Соответственно наказание есть следствие совершения виновным преступления и обратное ему возмездие (зло) за причиненное зло; в этом контексте данный правовед, давал сложное, но достаточно четкое определение наказания: это «зло физическое или психологическое, за обнаруженные противозаконные деяния виновнику оных для удовлетворения закону правосудия и для отвращения других граждан от подобных преступлений, общественное и частное благоденствие возмущающих по судебному приговору сообразно уголовным законам налагаемое, именуется вообще наказанием или карою» [13, с. 105]. В связи с указанными целями наказания и для их достижения он считал нужным, чтобы наказание исполнялось публично, чтобы оно оказывало воздействие на преступника (на его чувствительность), чтобы вызвать его раскаяние, однако, при этом наказание не должно быть жестоким. Кроме того, наказание должно применяться только к виновным, оно должно быть соразмерно содеянному преступлению.

Правовед А.П.Куницын отмечал, что «всякое зло учиненно остается невозвратным, часто даже невознаградимым, то, дабы положить преграды недоброжелательству, разум признает законным возмездие злом тому, кто другим зло причиняет, для ободрения же доброжелательства вознаграждение благом людей доброжелательных» [14, с. 52]. Целью наказания А.П. Куницын считал исправление преступника, но при этом он допускал применение смертной казни, полагая, что «гражданин, который совершит преступление, разрывает свой союз с обществом, а поэтому перестает быть гражданином этого общества. Такой человек становится врагом общества и поэтому государство может поступать против преступника как против своего врага ... Врагов иностранных позволено убивать, если нет другого способа от них защититься, почему же не может быть позволено убивать врагов внутренних?» [14, с. 52]. Но при этом

наказания применяются тогда, подданный объявляется врагом государства, и должен претерпеть «известное зло, для исправления ему определенное». Выделенная мысль А.П. Куницына примечательна тем, что наиболее четко, хотя и в своеобразном стиле, определяет причину применения принуждения со стороны государства в отношении тех, кто совершает преступления. В литературе отмечается также обоснование Куницыным права человека на необходимую оборону [15, с. 152].

Декабрист П.И. Пестель определял цель наказания как исправление, «если возможно», самого преступника и поставление его в такие условия, чтобы он не мог впредь нарушить спокойствие и процветание общества и частных лиц [16, с. 281]. Он отмечал также, что «наказание не есть мщение, ибо мщение есть страсть, а закон должен иметь целью ставить преграды страстям ... к тому же, определяя наказание, закон имеет в виду общество, а не преступника, благо общественное, а не частную ненависть, пример для будущего, а не мщение за прошедшее ... Цель Законов, при определении наказания, единственно в том, чтобы удержать других людей от подобных преступлений, исправить если возможно самого преступника и поставить его в невозможность нарушать впредь спокойствие и благоденствие общества и частных людей» [16, с. 282].

Как видно, направленность уголовно-правовой мысли упомянутых правоведов о сущности и цели наказания, имеет прежде всего предупредительный контекст, и государственное принуждение, связанное с причинением преступнику определенных физических и нравственных страданий, здесь на втором плане. Однако были представители и несколько иных приоритетов в характеристике уголовного наказания. Так, Ф.Г. Баузе, ректор Московского университета (1807-1808 гг.), он же был профессор на кафедре законоведения, полагал, что наказание есть «средство исправить преступника, предохранить других и доставить государству безопасность», и суть этой меры заключается в «причинении преступнику боли, которую он необходимо должен почитать злом и исправляясь чрез то почитать оную благодеянием». Для того чтобы наказание вы-

полнило своё назначение, оно должно быть достоверны и неминуемым («надежда избежать наказания поощряет к преступлениям, поскольку частое прощение вредно»), немедленным, но не поспешным («иначе теряется связь между преступлением и наказанием»), соразмерным («ибо по сей причине должно бы для богатого, бедного, честолюбивого, знатного, низкого, посредственного и так далее, словом для всякого состояния, для всякого характера иметь особенное, нарочно составленное Уложение») [17, с. 191].

Другой профессор Московского университета того времени Л.А. Цветаев отмечал, что в основании наказания справедливее всего положить принцип талиона. Применение этого принципа можно оправдать, по его мнению, договорным происхождением государства, а суть наказания заключается в том, чтобы «устрашать как преступника, так и его сограждан» и «наказывать можно потому, что преступление нарушает основной нравственный принцип», при этом он выделял следующие составляющие цели наказания: достойное возмездие за нарушение закона; удержание преступника впредь от подобных нарушений; удержание других сограждан от преступлений «внушением страха чрез наказание». В зависимости от обстоятельств, наказание должно быть разным и даже виновный и вовсе может быть освобожден от наказания. Наиболее эффективным, как он считает, является наказание в виде смертной казни, которая «правомерна и законна» (но «должна быть употребляема за весьма важные преступления»), а также телесные и другие болезненные и чувствительные для преступника наказания: «сечение потому одобряется, что удобно может быть соизмеряемо важности и величине преступления, и потому, что ближе к натуре наказаний и человека; ибо причиняет боль чувствительную не увеча его». В этом же контексте Цветаев считал целесообразным применять клеймение преступника, которое «может с пользою употреблено быть для преступников ... дабы их легко можно было бы сыскивать, если спасутся бегством, но клейменные не должны жить в обществе». Из других мер наказания Л.А. Цветаев считал нужным применение тюремного заключения и поражения прав – но так,

«чтобы они не противоречили мнению публичному и чтоб не часто употребляемы были» [18, с. 17, 47-49, 52].

Сходная точка зрения была у профессора Санкт-Петербургского университета П.Д.Лодия, который считал, что «подданных можно удерживать от совершения преступлений только тремя принудительными способами - нравственным, физическим и психологическим». Полагая ближайшей и правомерной целью угрозы применения наказания «удержание всех возможных преступников от нарушения прав силою психологического принуждения», он дополнял эту цель дополнительными целями, в числе которых исправление преступника и удержание его от совершения других преступлений; удержание других людей от будущих преступлений [19, с. 122]. Представляет интерес по мнению С. Баршева – профессора Московского университета, который в 1840 г. опубликовал свой труд «О мере наказаний». Этот российский ученый писал, что «государство наказывает преступника не потому, что его преступление заслуживает наказания, но для того, чтобы обезопасить свое существование от врага» [20, с. 17].

Научные работы отечественных правоведов конца XVIII – первой половины XIX вв. о сущности наказания, особенностях применения мер государственного принуждения к преступникам создали добротную научно-теоретическую базу как для дальнейшего развития уголовного права, так и, что не менее, а может быть, более важно, для совершенствования уголовного законодательства, подтверждением чему может служить принятие в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [21], где первый раздел Уложения представлял собой Общую часть уголовного закона, где «нервостепенное значение заключалось в определении понятий, используемых в практике уголовного наказания» [22, с. 14]. В дальнейшем указанные наработки были использованы в процесс известных реформ 1860-х гг. и получили всестороннее развитие в работах нового поколения российских правоведов [23, с. 116]. В частности, можно отметить разработку различных теорий наказания – теории

возмездия, теории защиты, теории социального принуждения, причем, последняя наиболее близка к проблеме государственного принуждения, и заключалась в том, что государство должно принудительно воздействовать на преступника с целью «исправления или изменения в нем порочных наклонностей» [24, с. 275]. Это и другие направления нашли отражение в фундаментальных работах Н.С. Таганцева, Н.И. Коркунова, С.В. Познышева, П.Д. Калмыкова, В.Д. Спасовича и других российских правоведов второй половины XIX – начала XX вв.

### Библиографический список

1. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919.
2. Кетле А. Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики. СПб.: Изд-во: И.О. Бакста. 1865. Т. 1.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. М., 1955.
4. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.
5. Кулаков Н.А., Москаленко С.А., Усманова Д.Р. Смертная казнь, как высшая мера наказания во второй половине XVIII века в Российской империи // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 86-88.
6. Борисов А.В., Степкин Е.Ю. Проблемы предотвращения преступлений в политико-правовой мысли России конца XVIII – первой половины XIX века // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 230-234.
7. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М., 1959.
8. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845.
9. Дегтярев а. А. Развитие института уголовного наказания в Российской империи (XIX – начало XX вв.) (историко-правовой аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
10. Лезина Е. П., Климов С. А. Зарождение науки российского уголовного права // Контентус. 2020. № 8. С. 34-42.

11. Горегляд О.Г. Опыт начертания российского уголовного права. Ч.1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.
12. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex Russica. 2015. № 3. С. 112-125
13. Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Казань, 1820 (издано: Ярославль, 1907).
14. Куницин А. Право естественное. Ч.1. М., 1817.
15. Егоров А.А. Теория правонарушения и юридическая ответственность в трудах классиков дореволюционной российской юриспруденции А. Н. Радищева (1749-1802) и А. П. Куницына (1783-1840) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1. С. 149-158.
16. Восстание декабристов. Документы. М., 1958-1984. Т. 7. С. 281.
17. Колошинская Н.В. Эволюция теоретико-правовых взглядов на уголовное наказание в России / Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2007. № 1. С. 180-197.
18. Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов. М., 1825.
19. Лодий П. Теория общих прав. СПб., 1828.
20. Баршев С. О мере наказаний. М., 1840.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // ПСЗ-2. № 19283.
22. Скряга К.Ю. Из истории законодательной мысли - анализ "Уложения о наказаниях уголовных и исправительных" от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 3. С. 1-16.
23. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития: монография. Санкт-Петербург, 2004.
24. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. наказание и наказуемые. СПб., 1898.